

Григорий НИКИФОРОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ КАК ТОЧНАЯ НАУКА

Мари, шотландцы все-таки скоты...
Иосиф Бродский

Этой строкой начинаются «Двадцать сонетов к Марии Стюарт», написанные Иосифом Бродским в 1974 году, через два года после его вынужденного отъезда в эмиграцию. По прибытии в Соединенные Штаты поэт поселился в маленьком городке Анн-Арборе (штат Мичиган), зарабатывая на жизнь преподаванием в тамошнем университете. Тихий Анн-Арбор, один из интеллектуальных оазисов Среднего Запада, оказался вполне подходящим местом для творчества, которое, однако, не всегда укладывалось в культурные и политические стандарты, составляющие основу американского образа мыслей.

Действительно, трудно представить себе американского университетского профессора, публично называющего шотландцев (или итальянцев, или ирландцев, или, к примеру, японцев) скотами, animals, пусть даже речь идет об отдаленной истории. Во-первых, американцы твердо знают, что за всякое слово, показавшееся кому-либо оскорбительным, придется ответить перед судом. Во-вторых, в их сознание уже внедрен рефлекс «политической корректности», то есть привычки соотносить свои высказывания с возможной реакцией окружения. А предсказать реакцию тех, чьи предки приехали в Америку из Шотландии, не представляет труда.

Ведь ничто не воспринимается человеком так болезненно, как оскорбление, действительное или мнимое, племени, к которому он принадлежит по рождению. Это клеймо не смывается — можно избавиться от бедности, перейти в другое вероисповедание, отречься от своего сословия, сменить страну, климат и даже язык, но перестать быть шотландцем, или русским, или евреем, или армянином нельзя. По крайней мере, это не удастся тебе самому — надежда разве что на внуков и правнуков. А раз так, то будь ты макаронник, армяшка, хохол, чурка, лях, лягушатник, черножопый, жид, кацап или латышня — все равно тебя настигнет убеждение иноплеменников во врожденных пороках твоих сородичей. И хорошо еще, если это убеждение останется умозрительным, а не перейдет в руководство к действию — от случайного мордобоя по пьянке до скрупулезно организованного геноцида.

Уже одного только упоминания о крайностях и насилии, порождаемых национализмом и расизмом — или, говоря обобщенно, *ксенофобией*, боязнью чужеродного — достаточно, чтобы осознать опасность этого явления. И, тем не менее, ксенофобия существует с незапамятных времен. Однако если раньше боязнь чужого поддерживалась памятью о страшных войнах и нашествиях, истребляющих целые народы, то в сегодняшнем относительно стабильном мире она кажется абсурдной. Конечно, и сейчас воины аллаха продолжают войну с кафирами — и в Израиле, и на Филиппинах, и на юге Судана... Но все же есть целые континенты — Европа и Северная Америка, — где вот уже более полувека племена не воюют друг с другом, разве что где-нибудь на Балканах или на Кавказе.

К тому же, естественная боязнь неизвестного — чужих народов и их обычаев — в наше время, вроде бы, должна слабеть благодаря средствам связи и невообразимой ранее скорости перемещений. Как бы наивна ни была современная Дездемона, она вряд ли поверит рассказам немолодого мавра «о каннибалах, то есть дикарях, друг друга пожирающих. О людях, чьи плечи выше головы...». Ведь она кое-что уже знает о краях, где скитался Отелло, — либо из телевизионных программ, либо из кинофильмов, или, наконец, из личных встреч с чужеземцами, которым все-

го-то несколько часов лету до прекрасной Венеции. И, тем не менее, практически на любом форуме в российском Интернете можно найти участников, твердо убежденных, что чурки-среднеазиаты – безнадёжные тупицы, кавказцы – хамы и грубияны, а евреи пьют кровь у всех без исключения остальных народов.

Многолетняя традиция просветительства объясняет проявления ксенофобии бескультурьем. Максим Горький, например, писал: «Необходимо развивать в себе нравственную чистоплотность, воспитать чувство брезгливости к проявлениям в человеке начала зоологического; одним из таких проявлений является унижающая человека вражда к людям иных племен». И прибавлял: «...мир будет вылечен от этой постыдной болезни только культурой, которая хотя и медленно, но все-таки освобождает нас от болезней и пороков». Правда, написано это было в годы Первой мировой войны, еще до того, как два доктора философии – Йозеф Геббельс и Альфред Розенберг – идеологически обосновали окончательное решение еврейского вопроса в Европе. Многие ученые и писатели, люди, несомненно, высококультурные, поддержали – кто громогласно, а кто молчаливо – такое решение. А осуществил его Генрих Гиммлер, сын преподавателя древних языков в классической гимназии.

Урок холокоста многому научил человечество. По нынешним временам, открытый призыв к подавлению инородцев – удел маргинальных движений, вроде Русского национального единства или Ку-клукс-клана. Однако инстинктивная неприязнь к чужакам не исчезла даже у представителей самой что ни на есть культурной элиты – вспомним произведения крупного математика академика Игоря Шафаревича или доктора исторических и географических наук Льва Гумилева. И уж тем более сохранилась ксенофобия на уровне массовой культуры – российская молодежь уже почти не пользуется труднопроизносимым словосочетанием «Соединенные Штаты Америки», предпочитая простое и понятное «Пиндосия».

Культура, таким образом, не предохраняет личность от инстинкта ксенофобии, а, в лучшем случае, смягчает его. В этой связи изобретение и, главное, повсеместное внедрение политкорректности в США – несомненное благо, так как она помогла очень существенно снизить уровень ксенофобии в американском обществе. В Америке, слава Богу, нет серьезных межнациональных противоречий, зато есть противоречия межрасовые. По рассказам старожилы нашего провинциального города Сент-Луиса, полвека назад даже самые отчаянные белые либералы не пригласили бы в свой дом негра – боялись бы осуждающих взглядов соседей. Сегодня, наоборот, осуждению подвергнется тот, кто откажется принимать людей иной расы в своем доме. Это – прямой результат политкорректности, пускай не всегда искренней, но намного более предпочтительной, чем чистосердечная ксенофобия.

Однако политкорректность, при всей своей благотворности, все же есть некое заранее заданное идеологическое ограничение взгляда на мир – и, как всегда в таких случаях, картина мира выглядит слегка искаженной. В последние годы выяснилось, например, что некоторые биохимические реакции у представителей монголоидной расы или у чернокожих протекают иначе, чем у белых. Поэтому стало возможным, в принципе, создание лекарственных препаратов, более эффективных для белых, чем для черных, и наоборот. Казалось бы, и те, и другие оказались в выигрыше – но нет, существует оппозиция такому «расистскому» подходу к медицине. Ведь получается, что белых и черных нужно лечить по-разному, а это не согласуется с важным положением политкорректности: расы должны трактоваться одинаково во всем, включая медицинское обслуживание. Ну а когда научные данные противоречат идеологии – тем хуже для научных данных.

«Расистская» медицина – только один пример глупости, порожденной слишком фанатичным следованием идеологии политкорректности. Именно эта глупость сравнительно безобидна, но бывает и хуже. В 2007 году нобелевский лауреат Джеймс Уотсон, прославившийся открытием двойной спирали ДНК, отвечая на вопрос корреспондента газеты «Санди Таймс», заметил, что политика помощи западных держав Африке «...основана на том, что их интеллектуальные способности такие же, как и у нас, в то время как все тесты говорят, что это, пожалуй, не так». Уотсон был немедленно заклеен как расист и уволен с поста руководителя научного института, который он основал и бессменно возглавлял на протяжении пятидесяти лет. Вне сомнения, его высказыва-

ние было оскорбительным для многих чернокожих – и африканцев, и афро-американцев. В этом отношении Уотсон совершил очевидную бестактность, особенно nepозволительную для ученого такого высокого ранга. Однако никто из клеймящих Уотсона не смог привести никаких научных данных в доказательство его неправоты. Зато измерения коэффициента интеллектуальности IQ среди представительной выборки населения США неоднократно показывали, что, в среднем, этот коэффициент наиболее высок у американцев азиатского происхождения, затем у белых, и затем у черных. Другой вопрос, насколько правомерно судить об интеллекте по измерениям IQ...

Впрочем, не нужно быть нобелевским лауреатом, чтобы заметить разницу между расами или между национальностями. Финальный забег на сто метров на последней Олимпиаде в Пекине блестяще – с мировым рекордом в 9.69 секунды – выиграл чернокожий спортсмен из Ямайки Усан Болт, обогнав семерых других спринтеров – всех с тем же цветом кожи. Лучший результат на этой дистанции, когда-либо показанный белым спортсменом, был установлен в 1984 году Марианом Ворониным из Польши: 10 секунд ровно. С тех пор более сотни чернокожих атлетов – и ни одного белого – преодолели этот рубеж. В то же время в другом виде спорта – шахматах – успехи черных спортсменов малозаметны, но зато евреи составляют почти половину наиболее выдающихся шахматистов начиная с XIX века. Можно ли теперь публично утверждать, что евреи лучше других играют в шахматы, а черные лучше других бегают стометровку? Да, если судить по этим данным. Но – нет, если следовать правилам политкорректности, согласно которым никаких различий между евреями и чернокожими нет и быть не должно.

Ведь, строго говоря, любое указание на различие между расами или национальностями с точки зрения политкорректности предосудительно, поскольку оно может привести к их политическому неравноправию – вплоть, как уже бывало, до геноцида. Само по себе это соображение совершенно справедливо, хоть и преувеличено. Но как же тогда быть с укоренившимися представлениями о жизнерадостности итальянцев, законопослушности немцев, замкнутости прибалтов или гордости испанцев? А это – говорят жрецы политкорректности – есть чистой воды предубеждения, стереотипы, порожденные ксенофобией, и потому от них следует отказаться как можно скорей, если не хочешь прослыть расистом и националистом.

В результате любой честный политолог, журналист, политик или просто пикейный жилет, рассуждающий о межнациональных отношениях, попадает в затруднительное положение. С одной стороны, различия между расами и национальностями очевидны – они говорят на разных языках, поют разные песни, предпочитают разные кушанья и даже разрез глаз у монголов не такой, как у норвежцев. А с другой стороны, последователи политкорректности – то есть не расисты и не националисты – утверждают, что, по большому счету, монголы и норвежцы одно и то же. И в самом деле, свирепость вождя норвежских викингов Олафа Триггвасона, неоднократно грабившего берега Британии в X веке, ничуть не уступала жестокости вождя монголов Батая, сжегшего Киев в 1239 году...

К сожалению, надежда на бесстрастное обсуждение этого вопроса невелика. Опыт показывает, что споры на межнациональные темы – самые эмоциональные, благо Интернет доступен миллионам, и тысячи ежедневно реализуют свое законное право на свободу слова. Страсти бушуют даже в строго академических дискуссиях среди представителей так называемых гуманитарных областей знания – политологии, социологии, философии, а о накале межрелигиозных диспутов и говорить не приходится.

В такой ситуации остается обратиться к наукам точным и, следовательно, менее подверженным эмоциям – в частности, к математике. Ее раздел, именуемый математической статистикой, как раз и занимается свойствами больших совокупностей различных элементов, к которым, несомненно, относятся и большие совокупности людей – народы, расы и нации. Индивидуальные свойства каждого отдельного элемента, принадлежащего данной совокупности – множеству – различаются: нет двух людей, у которых вес, рост, цвет волос, форма носа, темперамент, отношение к деньгам и прочее были бы совершенно одинаковы. Но в то же время – утверждает математическая ста-

тистика – свойства различных множеств, усредненные по индивидуальным свойствам элементов, тоже могут быть различными.

Более того, именно факт различия этих средних величин и позволяет различать множества. (На самом деле важны не только значения средних величин, но и пределы их возможных изменений, а также другие факторы, но сути излагаемого это не меняет.) Множество «русских» можно, скажем, определить по свойству «говорящие на русском языке», хотя язык москвичей и архангелогородцев не вполне одинаков. Но, в среднем, он явно отличен от языка жителей правобережной Украины, что и дает возможность определить их как «украинцев», отличных от «русских». А вот по усредненной величине свойства «приверженность к крепким спиртным напиткам» – будь то водка или горилка – различить эти два множества будет, пожалуй, затруднительно. Зато оба они в этом отношении резко отличаются от японцев, которые такие напитки переносят с трудом – опять-таки из-за особенностей биохимических реакций, свойственных представителям монголоидной расы. «Что русскому здорово, то японцу смерть» – так могла бы звучать известная поговорка, если бы русские соприкоснулись с японцами лет на триста пораньше.

Но другие народы – в той же Европе – соприкасались друг с другом постоянно, и каждый отдельный контакт приносил новую информацию о свойствах контактирующих множеств – точнее о том, как они выглядели в глазах друг друга. Частицы информации складывались вместе, и возникало уже совершенно новое – усредненное – представление о свойствах того или иного народа. Конечно, не всякий раз русскому удавалось пересидеть иностранца в застолье – Франц Лефорт, как рассказывали, не уступал самому Петру, – но в среднем так оно обычно и бывало, откуда и появился стереотип «русский Иван немецкого Ганса завсегда перепьет», а там и до поговорки недалеко.

Важно заметить, что сам по себе механизм возникновения национального стереотипа – от отдельных наблюдений к усреднению – вполне соответствует общепринятым процедурам любых научных измерений. В той же математической статистике существует задача о «леди, пробующей чай»: сколько чашек чая, взятого наугад из данной партии товара, следует попробовать, чтобы надежно отнести эту партию к сорту «Эрл Грей», а эту аттестовать как «Липтон». Чем больше проб, тем достовернее оценка – но начиная с какого-то уровня дальнейшее увеличение количества проб уже не слишком влияет на оценку различия в средних величинах. При этом чем больше это различие средних, тем меньше проб потребуется, чтобы его установить. Иными словами, не нужно провоцировать тысячи грузин, чтобы убедиться в их повышенной вспыльчивости по сравнению с эстонцами. Достаточно провести несколько десятков сравнений – и шутка о «горячих эстонских парнях» уже готова.

Таким образом, возникновение и сохранение стереотипов, относящихся к поведению различных рас и народов – процесс вполне естественный и даже оправданный теорией и практикой математической статистики. Он обусловлен вовсе не злонамеренной ксенофобией, а обычными рутинными межнациональными контактами. Другое дело, что не всякий стереотип воспринимается одинаково. Укорененными в Европе представлениями об их «медвежьей» силе и выносливости русские склонны скорее гордиться, а вот стереотип об Иване-дураке, который вечно полагается на авось да небось, задевает национальную гордость. Евреи не возражают при упоминании об «умной еврейской голове» («а идише копф»), но недовольны, когда слышат, что уж очень они любят деньги. Слова Александра Блока – «острый галльский смысл и сумрачный германский гений» – лестны французам и немцам, но вряд ли они согласятся с другим поэтом, Александром Полежаевым, согласно которому француз «пуст как вздор», а немец «перепрел в котле ума». Впрочем, для самих русских Иван-дурак остается любимым сказочным персонажем, а тот же Александр Полежаев не останавливается перед обидным для своих соотечественников замечанием: «В России чтут царя и кнут».

Мало того, сведения о национальных и расовых стереотипах – а точнее, национальных и расовых особенностях – могут оказаться очень полезными, если применять их к совокупностям людей, а не к отдельным людям. Например, рынок для сбыта лягушачьего мяса следует все-таки искать во Франции, а не в России, а попытка внедрить во Франции сеть ресторанов «Ши да

каша» вряд ли удастся. (Между прочим, совсем недавно белорусский концерн «Белгоспищепром» понес большие убытки, направив до 80% процентов своего экспорта крепких спиртных напитков в Индию – уж не сторонники ли полного равенства между индусами и белорусами настояли на этом странном, но политически корректном решении?) Или из другой области: понятно, что, при прочих равных условиях, полиции будет труднее поддерживать порядок на демонстрации обманутых вкладчиков в Грузии, чем это было бы в Швеции. О «расовой медицине» – а значит, о том, какие лекарства экспортировать в Африку, а какие – в Азию, уже упоминалось. И, как это ни жаль, размах воровства гуманитарной и вообще любой экономической помощи будет больше в Палестинской автономии, чем, к примеру, в Польше – что тоже не мешало бы учитывать щедрым международным организациям.

Словом, до тех пор, пока речь идет о народах – а не о людях, представления о национальных стереотипах имеют законное право на существование. Именно здесь и пролегает разумная граница применения правил политкорректности. К тому же, стереотипы, хоть и не часто, но могут меняться. За последние годы английские футбольные болельщики сильно поколебали создававшееся веками мнение о бесстрастности англичан. А после шестидневной войны 1967 года образ приниженного и беззащитного еврея в одночасье сменился на уважительный портрет почти что супермена. Помните: «Над арабской мирной хатой гордо реет жид пархатый»?

Согласно математической статистике изменения стереотипов означают сдвиги в оценках свойств, средних по данному множеству. Но сдвиг среднего вовсе не гарантирует, что свойства каждого отдельного элемента множества сдвинулись в ту же сторону. В том-то и дело, что средняя величина, будучи надежной характеристикой множества в целом, не может быть спроецирована на каждый отдельный элемент множества. Если бы удалось оценить величину свойства «скудость» у всех жителей болгарского города Габрово (сами болгары в скудости габровцев не сомневаются) и среднее оказалось бы, к примеру, 3.00 – по сравнению с величиной 1.00, полученной усреднением по всей Болгарии, то лишь очень немногие из габровцев оказались бы *ровно* втрое скупее «усредненного» болгарина. Напротив, большинство оценок колебалось бы в каких-то пределах, скажем, от 2.25 до 4.48, а некоторые были бы и намного ниже единицы. Поэтому многие из габровцев могли бы обижаться и имели бы полное право протестовать, столкнувшись с общеполитарским стереотипом «раз ты габровец – ты трижды скупец» – но, по счастью, габровцы в Болгарии известны также своим юмором, позволяющим им самим посмеиваться над своей скудостью.

В результате оказывается возможным более или менее четко разграничить усредненные представления о свойствах наций в целом и представления о свойствах отдельного человека. Такое разграничение проводится при использовании принципов сухой науки – математической статистики, что особенно важно в чрезвычайно эмоциональных вопросах о национальных и расовых стереотипах. Конечно, вряд ли математический подход убедит энтузиастов-гуманитариев: английский философ Томас Гоббс еще в XVII веке заметил, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, они бы опровергались. И все же, основываясь на математической статистике, можно объективно утверждать, что величину, полученную усреднением по национальной совокупности, вполне правомерно использовать для описания свойств этой совокупности, по типу «китайцы трудолюбивы», «французы любвеобильны» или «афро-американцы музыкальны». И тот же подход показывает, что свойства каждого отдельного человека из данной совокупности практически никогда не будут точно такими же, как усредненные свойства его соплеменников: *не все* китайцы трудолюбивы, французы любвеобильны, а афро-американцы музыкальны.

Кстати говоря, теперь понятно, как четко определить понятие «расист» или «ксенофоб» – это тот, кто не способен различить отдельного человека на фоне его нации или расы. Расист считает, что, если, например, уровень образования у черных *в среднем* ниже, чем у белых, то *любой* чернокожий уступает в этом отношении *любому* белому. Он будет настаивать на этом, даже если он никогда в жизни не прочел ни одной книги, а чернокожий, с которым он себя сравнивает, – президент Обама. Разумеется, он ошибается – но, тем не менее, *в среднем* по США в 2008 году афро-американские школьники успешно справлялись со стандартными тестами в три раза реже, чем их белые соученики.

То есть разумная политическая корректность эквивалентна признанию того, что каждый отдельный человек – индивидуален. Все люди различны, вне зависимости от того, к какому народу или расе они принадлежат, – в точном соответствии с принципами математической статистики. И, для каждого отдельного белого, всегда найдется чернокожий с очень сходным уровнем образования – в этом смысле разницы между белыми и черными действительно нет. Но, согласно той же математической статистике, совокупности людей *в среднем* тоже могут различаться по своим свойствам. Поэтому, если слишком рьяные сторонники политической корректности сочтут, что *все* белые, как целое, ничем не отличаются от *всех* чернокожих, они будут так же неправы, как и расисты, столь же рьяно утверждающие обратное. И по той же причине – обе крайних точки зрения противоречат строгому статистическому подходу.

С этой точки зрения, у каждого отдельного шотландца нет оснований возмущаться вольностью поэта: раз не было сказано «все шотландцы скоты», значит, личное оскорбление места не имело. Но, разумеется, теоретические рассуждения – пусть и подкрепленные авторитетом точных наук – это одно, а реальные отношения между людьми определяются все-таки психологией, а не математической статистикой. И разбираться в лингвистических тонкостях реальный, а не абстрактный шотландец не станет, а просто возьмет свой двуручный меч... и далее по фильму Мела Гибсона «Braveheart».

Вот и выходит, что как ни нападай на политическую корректность, как ни обвиняй ее в перелестях и даже в пренебрежении к научным фактам, а обойтись без нее в мире, где расы и национальности все чаще контактируют друг с другом, просто невозможно. Так что успехи, одержанные концепцией политкорректности в Соединенных Штатах, только подтверждают устремленность этой страны в будущее...

Иосиф Бродский, видимо, тоже изменился в этом отношении, пожив в Америке подольше. Во всяком случае, появившийся в 1988 году английский перевод «Двадцати сонетов к Марии Стюарт», авторизованный Бродским, смягчил прямолинейное «шотландцы – скоты» за счет выявления игры слов (скот – Scots), не каждому заметной в русском тексте. По-английски строчка звучит так: «*Mary, I call them pigs, not Picts, those Scots...*», и теперь читатель в первую очередь замечает сопоставление «pigs – Picts», которое может задеть разве что давно исчезнувшие древние племена Британии – пиктов.

Но, конечно, можно и отбросить политическую корректность во имя свободы самовыражения творческой личности. И вот уже канонический перевод «Сонетов» на украинский язык, выполненный в самом конце прошлого века, честно сообщает: «*Марі, шотландці все ж таки хуї...*» (см. <http://www.guelman.ru/slava/texts/maria.htm>).

Интересно, много ли потомков шотландцев живет в Украине?

Игорь АНДРИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ НЕВЕЖЕСТВА ИЛИ ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ? ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЕ ПРОГУЛКИ В САДАХ ЭТОЛОГОВ

*Оставив МУДРОСТЬ увядать в песках зыбучих,
из ЗНАНИЯ мы сотворили Бога.
Но лучшее обречено стать худшим,
КОГДА НЕВЕЖДЫ ЗНАЮТ СЛИШКОМ МНОГО.*
П. Хэйн

«Антинаучная революция»

Правительства ряда стран приняли законопроект, запрещающий клонирование человека. Отношение к этому законопроекту четко выделило два подхода общества к проблемам науки: а)

любое ограничение научной деятельности есть обскурантизм и возвращение в средневековые (эту точку зрения разделяют, в основном, сами ученые) и б)»глаз да глаз за ними нужен, не то быстро сделают нам небо с овчинку!»(это мнение «среднего человека»). Впрочем, вопрос стоит еще шире. В настоящее время не только в России, но и в мире в целом происходят события, которые в серии блестящих публикаций акад. В. И. Арнольда получили название «Антинаучная революция». Весьма эмоционально возникшая ситуация описана выдающимся ученым и популяризатором науки Д. Хофштадтером: «Сегодня благоговейное отношение к науке встречается крайне редко. Современное общество, похоже, пропитано глубоким, бессознательным предубеждением против науки. В кино, на телевидении и в художественной литературе ученые представлены бессердечными, лишенными чувства юмора болванами, которые готовы скорее хладнокровно убивать, чем улыбаться, скорее писать заумные формулы, чем влюбляться. И, пожалуй, еще важнее формирующееся в последние годы пренебрежительное отношение к науке как к средству познания мира; обратная сторона такого отношения – поощрение всевозможных так называемых “тайн” (жизнь после смерти, вторжение пришельцев, телекинез, ясновидение, экстрасенсорные способности и т.п.)».

Таким образом, диагноз поставлен: антинаучная революция – налицо. Было бы не так обидно, если бы место науки заняла религия. Ничего подобного – на место рационального знания приходят суеверие и «массовая культура». Но чем же обусловлена столь плачевная тенденция? Хофштадтер просто констатирует: «Я даже не понимаю, что послужило причиной такого радикального изменения отношения к рациональному знанию».

Некоторые причины лежат на поверхности. Было время, когда на рациональное знание вообще и науку в частности возлагались большие надежды в деле решения не только технических, но и социальных проблем. Поскольку надежды эти не оправдались, наука оказалась без вины виноватой.

Кроме того, наука – дело элитарное. С этой точки зрения «Восстание масс», описанное Ортегой-и-Гассетом, ей вряд ли на пользу. «Сегодня у среднего человека самые неукоснительные представления обо всем, что творится и должно твориться во Вселенной». Как подчеркивает Ортега-и-Гассет, это никоим образом не прогресс: идеи массового человека не есть культура, культурой он не обзавелся. «Возникает тип человека, который не желает ни признавать, ни доказывать правоту, а намерен просто-напросто навязать свою волю».

В антинаучной революции есть, конечно, и вина самих ученых. Современная наука слишком сложна для непосвященных. Этим пользуется ряд лиц, занимающихся чисто схоластическими, бесполезными для чего-либо или кого-либо (кроме них самих!) псевдонаучными упражнениями. Мало уделяется внимания тому, чтобы сделать достижения фундаментальной науки понятными простому человеку.

Однако только ли в этом дело? Нет ли в современном отторжении обществом науки более глубоких корней?

Что говорит этология?

С этологией я знаком по серии замечательных публикаций В. Р. Дольника, обобщенных в книге «Непослушное дитя биосферы». Насколько я их понял, этология призывает рассматривать человека как один из видов животных и на этом основании анализировать поведение как отдельной личности, так и таких образований, как раса, нация и человечество в целом. Разумеется, выводы этологии нельзя рассматривать как математические теоремы, но как гипотезы лично мне они кажутся весьма убедительными. И, самое важное, эти гипотезы позволяют построить последовательную картину функционирования человеческого сообщества в целом. Мы не будем подробно останавливаться на всех выводах этологов, напомним только некоторые из них, необходимые для дальнейшего обсуждения. «Противоречие между порождением разума – оружием – и изначальной слабой моральной оснащённостью человека привело к тому, что он стал редкостным явлением в биосфере: вид, страшный и смертельно опасный для себя самого. ... Можем ли мы уповать на естественный отбор, что он со временем приведет инстинктивные моральные запреты в соответствие с разумом?»

Можем, но лишь в масштабах биологического времени эволюции. Оружие мы совершенствуем с помощью разума, который способен прогрессировать стремительно, а врожденные запреты совершенствует естественный отбор, работающий неизмеримо медленнее». (В. Р. Дольник).

Трудно не быть Богом

Итак, противоречие между разумом и моралью налицо. Ситуация «горя от ума» (или, вернее, «гибели от разума») многократно моделировалась в научно-фантастических романах. В первую очередь перед глазами встает гениальная книга Стругацких «Трудно быть богом». Далеко не все их книги выдержали испытание временем, многое просто невозможно перечитывать сегодня, но эта книга уже позволяет Стругацким войти в антологию всемирной литературы. Кстати, с точки зрения обсуждаемых вопросов интересна еще одна фантастическая книга – «Возвращение со звезд» Лема, в которой описаны переживания нормально агрессивного человека, вернувшегося в новый, неагрессивный мир. Правда, таковым он стал не в результате естественной эволюции, а искусственно, но особой роли это в данном случае не играет. Обсуждения искусственного подавления агрессивности я у этологов не встречал, а ведь оно в принципе возможно, так что фантасты и здесь поставили вопрос раньше ученых. Да и вообще, фантасты оказались отличными футурологами! Разве «Хищные вещи века» – не про наше время?

А лемовский «Голос неба» («Глас Божий» в оригинале) – да это же просто «книга по теме»!

Однако мы отвлеклись. Напомню некоторые места из книги Стругацких, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Прогрессоры с Земли, достигшей по всем параметрам высочайшего уровня развития, пытаются сеять «разумное, доброе, вечное» на планете Арканар, население которой и технически, и морально находится на уровне средневековья. Достижения разума используются, как правило, в весьма неблагоприятных целях. Арканарский Кулибин, отец Кабани, с горечью перечисляет свои замечательные изобретения. Тут и «провода с колечками» – скотные дворы от волков огораживать, и мясокрутка для «нежного мясного фарша», и «горючая вода», чтобы мокрые дрова разжигать (первый самогонный аппарат на планете – не шутка!). А в итоге – ключей проволокой огораживают рудники, в которых работают «государственные преступники», мясорубка используется для изошренных пыток, а горючую воду подмешивают в пиво. Понятно – плохие люди используют хорошие вещи во вред, вот хорошие бы люди ... Однако Стругацкие не были бы Стругацкими, если бы не показали всю сложность ситуации. И вот вполне симпатичный герой, предводитель крестьянских восстаний Арата, просит у прогрессора Руматы «молнии», чтобы разрушать крепостные стены, за которыми и укрылись плохие люди. С глубокой печалью Румата отвечает, нет, я не могу дать Вам молнии и не смогу объяснить, почему этого нельзя делать...

Все это – хорошая модель современных земных отношений науки и общества. Ученые открывают атомную энергию и создают лазер – а общество требует атомную бомбу и лазерную пушку... При обычных интеллигентских рассуждениях сразу же встает дилемма доктор Оппенгеймер – генерал Гровс, т. е. хорошие, но наивные ученые и коварные генералы, использующие замечательные изобретения исключительно во вред человечеству. И решение этой проблемы мыслится только в моральном совершенствовании, всеобщем «не убий», а отнюдь не в ограничении научной деятельности. Верна ли такая односторонняя постановка вопроса? Ведь этология утверждает, что для морального совершенствования человечества нужны эпохи, а сколько нового оружия за это время придумают... Так, может, и не давать людям молнии, рано им еще? Вон жителям Африки дали автомат Калашникова – результаты налицо!

Зачем она нужна, эта наука?

Уточню: речь идет о фундаментальной науке. Именно она приводит к инсайтам, которые изменяют мир, приносят эйфорические (обычно ничем не обоснованные) надежды и реальные разочарования и опасности.

Изучением развития науки занимается наукометрия. Ее данные могут, на первый взгляд, ошеломить: 90% научной продукции ошибочно, из оставшейся 90% никогда не будет использовано. На что же тогда идут деньги налогоплательщика?

Акад. В. Ф. Журавлев предлагает такой ответ: 1) фундаментальная наука позволяет поддерживать высокий общий уровень исследований, в том числе и в области приложений; 2) возможны прорывы, ведущие к совершенно непредсказуемым технологиям.

При этом научное сообщество в целом убеждено, что вмешиваться в фундаментальные исследования нельзя, а многие тешат себя иллюзией, что демократия со временем заменится (и уже потихоньку заменяется!) технократией.

Многие ученые, с тревогой отмечая растущий антисциентизм, не видят никакой своей ответственности за «неправильное» применение научных достижений. Мы же предупреждали, что динамитом, атомной энергией, геной инженерией нужно пользоваться осторожно, так что сами виноваты! А наука здесь совершенно ни при чем – это все политики, генералы, коммунисты, глобалисты...

Наука для человека или человек для науки?

Как известно, существуют интеллект и здравый смысл. Первый говорит, что МОЖНО сделать, второй – что НУЖНО делать. Встаёт вопрос: не является ли отмеченный антисциентизм естественной реакцией на слишком быстрое развитие науки, предлагающей человечеству столько «даров», что оно не в состоянии их разумно использовать, не говоря уже об учете отдаленных последствий применения этих даров! Снова вспоминаются Стругацкие, на этот раз «Повесть о тройке»: мудрые представители человечества готовы не только отказаться от контакта с инопланетянами, но и воспрепятствовать этому контакту силой оружия, поскольку человечество не способно совладать с новыми технологиями, которые неминуемо обрушатся на него при Контакте (здесь, конечно, нужно вспомнить и «Пикник на обочине»).

Иными словами, не реализует ли человечество путем антисциентизма своеобразный инстинкт самосохранения? Конечно, конкретный механизм этого явления нам неизвестен, но, с другой стороны, точно также нам неизвестен и механизм, заставляющий толпы леммингов топиться в океане, чтобы решить вопрос перенаселения!

Чуть помедленнее, кони?

В свое время В. В. Налимов высказал идею «мягкого планирования». Суть её, грубо говоря, в сочетании строительства с натурным экспериментом, поскольку теоретически предсказать все последствия масштабного вмешательства в Природу невозможно. То есть начинаем строительство, но имеем в виду, что при появлении неблагоприятных неожиданных явлений его нужно прекратить или даже восстановить статус-кво. Мне кажется, таким путем должно идти и развитие науки. Разумеется, всякого рода запреты и ограничения могут быть трагедией для определенных исследователей, но ведь, возможно, речь идет о сохранении человечества в целом...

Что касается фундаментальной науки, то есть богатые возможности сделать ее развитие относительно безопасным. Например, сколько усилий в последнее время тратится на построение «единой теории Вселенной», описания зарождения Мира, черных дыр и т.д. Полезнейшее с точки зрения поддержания интеллектуального уровня исследований и совершенно безопасное для человечества занятие.

Отчасти (но только отчасти!) в шутку акад. Ю. И. Манин пишет: «Некоторые утверждают, будто математика полезна в физике, технике и вообще для прогресса человеческой цивилизации. Но они заблуждаются. Чем математика действительно полезна, так это своим огромным вкладом в решение основной проблемы современного постиндустриального человечества. Проблема же эта состоит вовсе не в том, чтобы, как думают некоторые, ускорять прогресс человечества, а, напротив, в том, чтобы этот прогресс всемерно тормозить. Математика отвлекает умных людей от действительно опасных для человечества занятий. Если бы вместо проблемы Ферма умники усовершенствовали бы автомобили или самолеты, вреда человечеству было бы больше».

Думайте сами, решайте сами

Автор всю жизнь занимается научной деятельностью и ничего другого делать не умеет. Поэтому приведенные выше соображения его не радуют...